

№ 52 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Июль, 2016

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ЗИМА И ВЕСНА ОДНОВРЕМЕННО: ПРИЗНАКИ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ОБНОВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ

Тома Флиши де Ла Невилль

Об авторе:

Тома Флиши де Ла Невилль

Профессор по международным отношениям, Университет Париж IV Сорбонна, Франция

Невзирая на глубокий кризис идентичности, порожденный нигилистскими элитами, одинаково неспособными внятно осмыслить проблемы и действовать во имя общего блага, во Франции начинается едва заметное обновление. И на периферии, и в центре государственной системы появились живые и энергичные социальные группы, способные вдохнуть в геокультурную среду новую жизнь. В реальности они лишь выигрывают от нынешнего беспорядка, поскольку предлагают обществу жизнеспособную альтернативу и таким образом добиваются растущего признания среди французского населения. Ускоряющийся упадок, как это ни парадоксально, пробуждает геокультурную весну¹.

Данный текст отражает личное мнение автора, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

¹ Концепцию геокультуры, изложенную Оливье Ханном и Тома Флиши де Ла Невилль в книге «Геокультура для устойчивых цивилизаций», можно определить как изучение способности цивилизаций передавать жизнь во всех ее измерениях. Геокультурный индекс используется для измерения способности цивилизаций «передавать жизнь» в долгосрочной перспективе. Он учитывает пять критериев: коэффициент рождаемости в сочетании с коэффициентом самоубийств (передача биологической жизни); возраст населения и государственное строительство (политическая структура и корни); богатство словесного и художественного выражения (поэтическое и лингвистическое творчество); развитость религиозных рефлексов; коэффициент задолженности населения (экономическая безопасность).

В Европе появились признаки обновления. Самый важный из них касается духовной сферы. Не могут же теоретические построения бесконечно противоречить действительности! Хотя человек, говорящий правду по телевизору, сразу объявляется провокатором – в царстве лжи правда действительно зачастую смахивает на провокацию – *иконоборцы* становятся популярными. Под давлением альтернативных источников информации традиционные СМИ утрачивают легитимность и поддержку. Они вынуждены апеллировать к *иконоборцам*, чтобы хоть как-то оставаться на виду. Либеральные постулаты один за другим ставятся под сомнение и быстро утрачивают статус непреложных истин. Например, масштабные инвестиции в пропаганду *гендерной идеологии*, в конечном итоге, объединили разные слои населения на почве растущей убежденности в том, что ребенок должен расти в семье и воспитываться матерью и отцом, связанными между собой супружескими узами. Другой луч надежды в том, что самыми популярными книгами 2016 года во Франции являются исследования, анализирующие исторические корни нации и предлагающие здравые решения насущных проблем. Короче говоря, «мертвые» элиты потерпели поражение в интеллектуальном сражении; их можно сравнить с защитниками французской монархии, которая проиграла битву идей в 1750 году, за 40 лет до революции.¹ Стоит обратить внимание на появление начальных школ, колледжей и даже университетов², развивающихся параллельно государственной системе образования и предлагающих альтернативное обучение, результаты которого превосходят самые смелые ожидания. Но геокультурная весна происходит не только в интеллектуальной сфере, но и в бизнесе. Многие предприятия предпочитают не укрупняться, чтобы сохранять гибкость, инновационный дух и креативность, не превращаться в заорганизованные и громоздкие структуры с раздутым управленческим аппаратом. С политической точки зрения, исключение любой *реальной альтернативы* теми, кто монополизировал власть в стране, вызывает растущее беспокойство – не только потому, что демократия в этом случае кажется иллюзорной, но и из-за растущего отрыва профессиональных политиков от простых граждан. Удаленные с телеэкранов политические дебаты переместились на улицы и в Интернет. Именно там теперь идут «передачи» о культурной, экономической, политической и духовной жизни. Из всего этого хаоса на низовом уровне появляются творчески мыслящие лидеры, утоляющие духовную жажду населения, доведенного до отчаяния правилами, установленными техно-нигилистами. Они пришли не для того, чтобы заполнить вакуум, но чтобы выполнить свою миссию: пока мертвые хоронят своих мертвецов, они отчетливо осознают, что только живые способны на передачу и развитие жизнеспособных идей.

¹ Эта теория разработана Стефаном Боденом, профессором юридической истории в военной академии Сен-Кира, в докторской диссертации «Защитники абсолютной монархии».

² Например, в Католическом университете Запада в этом году открылся новый факультет права, на котором технические предметы, связанные с юриспруденцией и правом, будут объединены с чисто гуманитарными предметами, такими как литература, геополитика или политические дебаты.

«Живые элиты» возвращаются (и в т.ч. офицеры)

Все закономерно: в мире, где одновременно происходит глобализация и развитие демократии, военные были видом, обреченным на скорое вымирание. Конфликты все чаще имеют свойство растворяться в рыночной среде, и у высокопоставленных чиновников появляется «монополия на мышление», на которую не могут повлиять настроения кучки «безмозглых» военных, будто бы имеющих особую точку зрения и способных на что-то иное, кроме самой войны. В конце концов, у офицерской бюрократической верхушки изначально было преимущество, позволяющее не допускать пропаганду иного мировоззрения в военной среде.

Для технократов, все сложилось не совсем так, как им хотелось. Неизбежное развитие демократии в действительности оказалось обманом зрения. Глобализация резко сбавила ход, и национальная идентичность снова дала о себе знать. А повсеместное открытие границ породило столкновение идентичностей и неизбежное возвращение войны.

В состоянии ли гражданские элиты справиться с теми войнами, которые они непреднамеренно развязали? Смогли ли люди, претендовавшие на монополию духа и разума, использовать свое интеллектуальное превосходство, чтобы обеспечить мир? Ответ слишком очевиден. Они потерпели сокрушительное фиаско, потому что их технократическое образование, опирающееся на юридические процедуры и финансовый менеджмент, сделало их неспособными понимать мир во всех его политических и культурных измерениях. Они потерпели крах, потому что действительность противоречила их идеологии. Несмотря на протесты высокопоставленных офицеров, развязывались бессмысленные войны, кончавшиеся военными победами и политическими катастрофами. Простые солдаты отдавали свои жизни из-за непростительных ошибок, совершенных идеологами, или, что еще хуже, из-за циничных действий лоббистов, настаивавших на ведении «ограниченных войн», позволявших наращивать экспорт оружия. В любом случае творческое мышление в это бедственное время явно не поощрялось. По крайней мере, это ясно видно на примере французской армии, которая руководствовалась знаменитой книгой Марка Блока «Странное поражение» 1940 года издания. Там описывается, как целая армия бюрократов неожиданно потерпела поражение от молодых военных, удерживавших инициативу на низовом уровне и решивших, как это ни странно, не вести войну по правилам, которым их учили во французском военном колледже.

Как известно, армия политтехнологов не способна понять политические реалии, когда она ослеплена определенной идеологией. В последние годы внешняя по-

литика растворялась в собственных противоречиях. Во Франции армейские чины быстро смекнули, что во главе государства находится *верховный политехнолог*. В то же время страны, прошедшие эволюцию, отличную от нашей, выдвигали в национальные лидеры *могущественного силовика* – «князя войны». В качестве примера можно привести Россию и Владимира Путина.

Военным предельно ясно, что в беспокойное время верховный политехнолог скорее всего проиграет в конкурентной борьбе «князю войны», понимающему, что происходит в политике. Не имея поддержки широкой общественности, политехнолог временами вынужден рядиться в одежды силовика, чтобы вернуть доверие граждан. В этом смысле ливийская кампания, несмотря на ее катастрофические геополитические последствия для Северной Африки и Европы, помогла президенту Саркози вернуть доверие народа: его рейтинги резко подскочили после первых же авиаударов. Президент Олланд усвоил этот урок и усилил свое положение на политическом Олимпе, проведя военную операцию в Мали.

Проблема в том, что тупые военные «роботы», плохо соображающие в чем-то не связанном с ведением боевых действий, осознают, что войны в наши дни становятся инструментом для установления общественных связей. Внешняя политика подменяется военными операциями, поскольку у дипломатов нет четкого плана действий. Что делать с Мали? Провести выборы, которые в силу своей магии естественным образом решат все проблемы. Что делать в Сирии? Пока воздержаться от выборов – иначе Башар Асад сразу будет переизбран на новый срок.

Военные катастрофы, порожденные неспособностью гражданского правительства проводить правильную политику, вызывают закономерные вопросы в стане военных. Поскольку «гражданские» оказались недееспособны, настала очередь военных поучаствовать в политических дебатах. Некоторые офицеры убедились, что понимают этот мир ничуть не хуже своих гражданских коллег. Многочисленные военные операции после афганской войны обострили мыслительные способности офицерского корпуса. В конце концов, что есть разум, как не инструмент для адекватного восприятия действительности? На театрах внешнеполитических действий военные прекрасно поняли суть политических и культурных реалий, остававшихся загадкой для зашоренных гражданских чиновников.

В прошедшем десятилетии отношения между чиновниками и офицерами во многом напоминали те, что существовали во Франции в 1715–1789 годы. Армия

Людовика XIV резко сократилась в период с 1715 по 1723 годы, лишившись 2/3 своих солдат. Армия пыталась вести себя осмотрительно в составе коалиций, чтобы снизить издержки войны. Следуя моде, просвещенные руководители покупали механических соловьев, дабы те божественно пели, и ожидали, что и офицеры будут вести себя как послушные механические машинки.

Однако сравнение с XVIII веком утратило смысл. Война вернулась, и военные понимают, что могут играть все более заметную роль в политике ближайших лет. Окно распахнулось достаточно широко, чтобы можно было услышать пение *настоящего* соловья. У некоторых офицеров появилась мысль, что если они солидаризируются с «живыми», творчески мыслящими элитами, отвергнутыми государственной бюрократией, им удастся образовать *альтернативную элиту*, которая будет усиливаться по мере нарастания внутренних проблем.

Уроки первых недель 1914 года не были сразу же забыты: некоторые офицеры, поддержанные миролюбивой бюрократией, оказались не способными осуществлять командование. Но новые лидеры неожиданно появлялись практически из ниоткуда. Давайте мысленно перенесемся в конец III века. Римская империя переживала в те годы финансовый коллапс, общественный кризис, беспорядки в политической сфере. Над империей навис призрак раздробления царств в Сирии и Галлии, настало время войн и великого переселения народов. Какое решение нашел Император, чтобы обуздать растущее насилие? Он прибег к милитаризации своей администрации.

Геокультура как метод обновления распадающихся цивилизаций

Новые, «живые» элиты не только сформировались, но и изобрели метод размежевания с нигилизмом. С их точки зрения не все можно свести к экономике. При поддержке телевидения и всего многообразия средств массовой информации навязывается идея первичности экономики, которая, якобы, олицетворяет сегодняшнюю действительность. На самом деле, чтобы убедить людей, вовсе необязательно прибегать к наглядной агитации. На первый взгляд, наднациональные организации, союзы государств, международные саммиты, го-

сударственные назначения – все, что считается олицетворением и средоточием политического действия – стало просто придатком экономических решений. Хотя слово «решение» представляется слишком сильным: игнорируя причины экономических кризисов, мы верим в то, что правильное решение сегодня (девальвация валют или снижение процентных ставок) может завтра привести к катастрофе. Вера в примат экономики в конечном итоге согласуется с заявлением Сталина, который сказал, что «кадры решают все». Что было справедливо для социализма, еще больше справедливо в отношении глобального либерализма. Конечно, человек не выпадает полностью из поля зрения, но он стал заложником кризиса, ожидая и надеясь, что экономическая система стабилизируется – рано, поздно ... или никогда.

В действительности первичность экономики оказывается оптическим обманом. Она оспаривается движениями антиглобалистов и зеленых, статистикой неявики на избирательные участки или возвратом к патриотической риторике. Всюду можно услышать призывы к другому типу управления. Говорят о новых перспективах, об изменении торговых потоков во благо общественной солидарности. Парадокс в том, что антиглобалистские протесты не бросают принципиального вызова постулату о главенстве экономики: на самом деле сокращение прибыли и налогообложение доходов – это лишь дрова, подбрасываемые в топку новой мировой материальной революции. Короче, даже для тех, кто желает упразднить капитализм, основанный на торговле, все сводится к экономике.

Однако статистика дает нам лишь приблизительное представление о будущих рисках. Кроме того, этими комплексными показателями можно легко манипулировать. Более того, сведение всех мировых процессов к простому взаимодействию экономических сил, в конце концов, становится препятствием для чистого разума, поскольку игнорирует два существенных измерения: культурное самоутверждение и волю для осуществления власти или проецирования силы.

На самом деле, искусственный мир, выстроенный СМИ, низвел культуру до уровня музейного экспоната: доказывається, что люди сегодня взаимозаменяемы. Наша экономическая система, понимая, что разные культуры препятствуют свободному обмену товарами, приходит к полному отрицанию несхожести между людьми. Например, развитие исламизма связывается исключительно с экономическими проблемами; при этом упускаются из виду религиозные причины данного движения. Но культурные корни – это далеко не иллюзия. В каждой культуре устанавливаются стандарты принадлежности отдельного индивидуума

к группе. Без культуры человек – просто одиночка, но с культурой человек – это уже личность. Культура дает ориентиры, определяет образ действий и обеспечивает устойчивость. Культура дает человеку ориентацию во внешнем мире. И это – не простой маркер: если изучение корней помогает нам понять наше нынешнее положение, то предоставленные культурой ориентиры помогают решить, в каком направлении двигаться.

Культура охватывает все аспекты бытия, определяя правильный путь движения. Следовательно, культура вводит также такое понятие, как ценности.

Культура включает нравственность и мораль. Она дает представление о добре, прекрасном, справедливости и истине, хотя эти понятия не определяют одно и то же направление движения во всех широтах. Крайне упрощенно можно сказать, что культура определяет человеческое достоинство и ценности. В наши дни отрицание культурного фактора уже привело Запад к сокрушительным фиаско.

Это касается и офицеров, прилагающих максимум усилий для ведения войны по виртуальным сценариям, как будто армия может воевать независимо от цивилизаций, в которых она действует. Эта маниакальная ролевая игра в рамках стандартизированных штабов автоматически приводит к катастрофам на разных театрах военных действий: от Афганистана до Ливии, между которыми находятся и другие «театры», такие как Сирия и Ирак.

Мы склонны забывать, что большинство незападных стран по-прежнему придают огромное значение культуре. Достаточно посмотреть на потери среди американских переводчиков в Ираке, чтобы понять, что для мятежников толкователи культур – такая же мишень, как командиры воинских частей и подразделений. Они полагали, что это лучший способ уничтожить своих противников.

То же самое можно сказать о международных компаниях, приверженность которых к стандартным процедурам ведения переговоров стала причиной их коммерческих неудач. Если добавить к этому низкую мобильность руководителей, занимающих свои должности не более 2–3 лет и не покидающих центральных штаб-квартир своих компаний, оставаясь оторванными от положения дел в реальной стране, на реальном рынке, то понятно, почему эти структуры теряют влияние. Нравится это кому-то или нет, но культура – это реальность. Можно даже сказать, что это сок цивилизаций. Любая цивилизация намерена себя увековечить. Именно по этой причине отрицание культурного фактора – это первый шаг к варварству.

С другой стороны, очарование экономикой заставляет нас забывать геополитический фактор. Например, массовый захват земель анализируется исключительно с позиции экономических инвестиций. Но большинство государств, если они не слишком слабы для удержания власти, имеют определенные политические стратегии. Их можно исследовать через призму истории. Нынешняя стратегия Китая на удивление похожа на стратегию династии Тан в первые столетия нашей эры, когда Центральный Китай начал колоссальную экспансию к Каспийскому морю и Персидскому заливу. Использование силы опирается на объективные критерии, остающиеся актуальными в любую эпоху. Можно выявить три таких критерия.

Первый – это коллективное самоуважение или сила культурных и религиозных ценностей, толкающие эмоциональные меньшинства на мученичество или джихад. Второй – это сила инноваций в сочетании с трудолюбием: творческий подход деятельных меньшинств, по сути, находится на острие экономического развития. Третий критерий – положительная демографическая динамика, сохраняющаяся на протяжении длительного времени.

Генетически нынешнее население Франции лишь на 25% может проследить свои корни, произрастающие от предков, населявших страну в 1789 году. Опять же лишь меньшинство сумело спроецировать себя в будущее, благодаря ответственной демографии, то есть оставления после себя многочисленного потомства. Чувство собственного достоинства, способность к творчеству и изобретательству, а также способность проецировать себя в будущее долгое время было преимуществом Европы. Но времена изменились.

Культурная антропология и геополитика, каждая по-своему, пытаются бросить вызов мировоззрению, которое сводит все к столкновению финансовых интересов. Однако эти альтернативные точки зрения не соединяются друг с другом и не включают экономический фактор, чтобы восстановить верное понимание мира в умах дезориентированных представителей элиты. Тезис о том, что мы будем развиваться, можно суммировать следующим образом: устойчивые цивилизации непременно опираются на усвоенную культуру. Таким образом, необходимо противопоставлять геокультурные нации, черпающие силу и влияние в глубоких корнях и самоопределении, абстрактным технократическим построениям, стремящимся компенсировать свою противоестественность насилием и забвением. Первые способны оказывать влияние долгое время, в том числе и после своей политической смерти, как в случае с Римской империей. Даже подавленные

и ослабленные вторжением варварских племен геокультурные нации способны исторически влиять на окружающий мир.

Так, Персия веками обеспечивала «ирригацию» мусульманского мира, несмотря на свою очевидную слабость. С учетом демографического роста при сохранении элит, современная Индия также принадлежит к геокультурным нациям. Она противоположна абстрактным построениям клириков и мыслителей, таким как империи Карла V и Наполеона I, в которых отсутствие культурного единства оказывается первым фактором слабости, несмотря на искусственные попытки добиться однородности. Это справедливо и в отношении Великобритании, которая поняла, что неограниченное открытие границ в сочетании с бесконтрольным импортом законов, совершенно чуждых ее природе, несет угрозу самому ее существованию. В этом смысле выход этой страны из Европейского Союза может оказаться ее самым важным вкладом в геокультурное возрождение Европы – особенно в то время, когда ставится под вопрос легитимность ее общих военных интервенций с Соединенными Штатами.

То, что справедливо в отношении империй, справедливо и в отношении бизнес-структур, жизнеспособность и финансовое здоровье которых подвергается опасности из-за веры в технократический миф. Это также справедливо в отношении семей, которые сохраняются, если станут держаться духовных ценностей. Если они отвергнут эти ценности, то расколются на множество соперничающих друг с другом одиночек, слетающихся, подобно светлякам, к огню прибыли и больших денег, превращающему их в прах и пепел. Следовательно, устойчивые нации дорожат своими культурными корнями, которые могут быть невероятно разнообразными. Вместе с тем, эти нации должны сохранять способность к обновлению, не отрицая своего прошлого ради того, чтобы увековечить себя.

В этом контексте можно сказать, что геокультурная стратегия состоит в мобилизации внутренних сил, в том числе, экономического потенциала, из многовековой культуры. Следовательно, геокультура оказывается чем-то большим, нежели новый геополитический или исторический подход; она претендует на способность отвоевать старое понятие цивилизации интеллектуальными методами. По сути, когда финансовые кризисы сметают целые государства, сохраняется только культура. Подобный подход позволяет раскрыть парадигмы, которые экономисты, ослепленные количественными оценками, не видят. Через эту призму происходит перестройка иерархий: когда мы начинаем поиски геокультурных следов, оставленных империями прошлого, у нас появляется возмож-

ность созерцать душу этого мира. Короче, геокультура избегает застывшего материализма Маркса, а также исчерпавшего себя глобального капитализма, чтобы разглядеть то, что не сразу бросается в глаза, и понять, на чем зиждутся более устойчивые иерархии. Являясь фундаментом для устойчивых цивилизаций, геокультурный подход определяет для нации цель, выходящую далеко за рамки экономического доминирования, культурного влияния или политической силы и власти: эта цель сводится просто к передаче жизни.

#Valdaiclub

 Valdai Club

 Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ